

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Анна Шнайдер

Недостойная

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2020

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш76

Серия основана в 2011 году
Выпуск 503

Художник
А. Клепаков

Шнайдер А.

Ш76 Недостойная: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 474 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3019-2

Очень просто быть великим магом, обладая большим даром. Что же остается делать тем, у кого магии кот наплакал? На вступительных экзаменах ректор магического университета сказал Эн Рин, что она недостойна у них учиться. Можно было бы сдать, но девушка предпочла другой путь и через несколько лет стала лучшей выпускницей курса, поступила на стажировку в Императорский госпиталь и занялась разработкой способов лечения безнадежных больных — магов, потерявших магию. И кто бы мог подумать, что в один прекрасный день пациентом Эн окажется сам архимагистр Бертран Арманиус, десять лет назад назвавший ее недостойной?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Анна Шнайдер, 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3019-2

Часть первая ВОССТАНОВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1

В Грааге сегодня было особенно снежно. Казалось бы, ничего удивительного, ведь всего через две недели — Праздник перемены года, но в последнее время природа не была щедра на снег. Хорошо, что сегодня она смилостивилась и решила присыпать столичные улицы свежей белой пудрой, отчего они стали похожи на вкусный пряничный торт.

В такую погоду мне было немного легче идти по Старой Грааге — району, где проживали самые богатые и значимые люди города. В снегопад всегда легче дышится. И это была пусть небольшая, но поддержка от окружающего мира. Словно он понимал, куда именно я иду, и желал подарить хотя бы частичку покоя.

Дом семь по Дворцовой набережной я нашла легко и быстро. В конце концов, мало кто из жителей города не знал, где живет архимагистр Бертран Арманиус, и я уж точно не относилась к этим счастливицам. За семь лет учебы в Высшем магическом университете Грааги и почти три года аспирантуры там же я хорошо изучила Дворцовую набережную. Здесь же, только чуть дальше, находились и сам университет, и Императорский госпиталь, где я теперь стажировалась, выбрав своей специальностью магическую медицину. Поэтому мимо дома архимагистра и по совместительству — ректора нашего университета я ходила частенько. Дом этот был высок и мрачен — длинные узкие окна, темный камень, увитый шипастым плющом, и крыша, выложенная зеленой черепицей. По сравнению с остальными зданиями этот особняк казался настоящей белой вороной. Хотя, скорее, черной.

Речка Тудаага (меня всегда сместило это название), протекавшая вдоль Дворцовой набережной, сегодня наконец покрылась легкой корочкой льда, и некоторое время я стояла возле резных перил, вглядываясь в узоры на воде, в кружащиеся в

воздухе снежинки, в громаду императорского дворца на той стороне реки, чуть правее от меня.

Идти к архимагистру очень не хотелось, и, если бы не личная просьба архимага Брайона Валлиуса, я бы и не пошла. Но я была весьма обязана Валлиусу и не имела никакого права на отказ, тем более что связан он был исключительно с малодушием, о чем архимаг конечно же не догадывался.

Я почувствовала, что у меня начали замерзать ноги, и повернулась лицом к злополучному дому Арманиуса. Выдохнула. Ну же, Эн... Ты ведь сильная девочка. Ты сможешь.

В глазах защипало, и я упрямо сжала зубы. Забавно, что человека может одновременно переполнять столько противоречивых чувств. И злость, граничащая с ненавистью, и восхищение, и безумная надежда, и трепетная нежность, порой опалявшая мою душу сильнее любой ненависти.

Снег отчаянно хрустел, когда я упрямо зашагала к дому архимагистра. Поднялась по лестнице к входной двери и позвонила.

Молчание. Десять секунд, двадцать... почти минута. Где он там? Наконец передо мной появилась слабая дымка ответных чар.

— Вы кто? — раздался сухой голос ректора. В дымке блеснули его недовольные глаза.

— Меня зовут Эн Рин. Я медсестра Императорского госпиталя. — Ни к чему ему знать, что я не просто медсестра. — Меня прислал к вам архимаг Брайон Валлиус, главный врач...

— Я в курсе, кто такой Валлиус, девочка. — В голосе прорезалось раздражение. — Ладно, заходи. Поднимайся сразу на второй этаж. И тапочки не забудь надеть.

Я кивнула, но вряд ли он увидел — дымка развеялась, и дверь распахнулась.

В прихожей оказалось темно и тихо, и я чуть не упала, споткнувшись о ковер. Зашипела, едва не выронив рабочую сумку с медикаментами, протянула ладонь и создала на ней маленький шарик света, который сразу взмыл под потолок, тускло освещающая пространство вокруг меня.

Полукруглое помещение в темных тонах, ковер с густым ворсом — кажется, бордовый, — шкафы по стенам, а впереди — широкая лестница на второй этаж, тоже покрытая ковром. Я подняла голову выше и чуть вздрогнула, увидев на самом верху лестницы инвалидное кресло с сидящим в нем хозяином дома.

— Забавно, — процедил до боли знакомый голос с не менее знакомой мне ехидцей. — И вот этот тусклый шарик истинного света — все, на что способна протеежа Брайона? Старик совсем из ума выжил.

Я набрала в грудь воздуха. Спокойно, Эн, спокойно. Ничего нового, не нужно так нервничать.

— Я могу показать вам документы, подтверждающие мою квалификацию, архимагистр. Если они вас не устроят, вы вольны попросить архимага Валлиуса прислать вам другую медсестру.

— Непременно попрошу, — хмыкнул Арманиус. — Поднимайся давай. Одежду в шкаф повесь, потом тапочки надень и поднимайся. Жду тебя в библиотеке. Это справа. Надеюсь, право и лево ты не путаешь.

Разумеется, я не стала отвечать. Оставила пальто в шкафу, нацепила тапочки, что стояли здесь же, неподалеку от входа и идеально подходили мне по размеру, и поспешила наверх.

Библиотека тоже была полукруглой, как и прихожая. Только здесь оказалось светло. В узкие высокие окна лился мягкий свет, за стеклом кружились снежинки, и это зрелище наполнило бы меня умиротворением, если бы не презрительная усмешка хозяина дома.

— Ну, как там тебя? Показывай свои документы.

Я кивнула, подошла ближе, положила сумку на стол перед архимагистром и открыла ее. Достала свидетельство о медицинской квалификации и протянула Арманиусу.

Пока он вглядывался в бумажку, не имевшую для меня равным счетом никакого значения и выписанную главным врачом госпиталя не далее как вчера, я рассматривала библиотеку. Узкие шкафы из светлого дерева, по форме напоминающие окна, были заполнены книгами так, что буквально ломались. И столько знакомых сокровищ, читанных и перечитанных множество раз...

— Значит, Эн Рин, медсестра высшей магической медицинской категории. — Уважения в голосе, конечно, не прибавилось. — И какой у тебя стаж, девочка?

— Три года.

— Высшая магическая категория за три года? — Арманиус насмешливо поднял брови. — И как же ты умудрилась ее... хм... заслужить?

Я чуть улыбнулась. О, он бы не поверил.

— Я очень старалась, архимагистр. Так я вас устраиваю или вы попросите архимага Валлиуса прислать другого человека?

Меня смерили скептическим взглядом с головы до ног.

— Ладно, давай попробуем. Валлиус никогда не был дураком, может, что и выйдет из его затеи... Меня сильно потрепало, девочка. Видишь?

— Вижу. Но я бы хотела осмотреть вас основательно. Для этого мне необходимо, чтобы вы из кресла переместились на диван.

Диван в библиотеке был, и вполне подходящий. Но Арманиус от этой идеи в восторг не пришел.

— Так уж необходимо меня укладывать в горизонтальное положение?

— Да. И вам нужно будет раздеться.

— Что?

— Раздеться. До нижнего белья.

— Девочка, — голос просто сочился ядом, — на мне, кроме халата ничего, нет.

— Значит, снимете халат и ляжете так, голым. — Я начала терять терпение. — Шевелитесь, архимагистр, у меня помимо вас еще больные есть.

Чистейшая правда, между прочим.

— Ты с кем разговариваешь? — Теперь в голосе вообще не было ничего, кроме яда, но и у меня терпение закончилось.

— С пациентом! — почти прорычала я. — Снимайте халат, ложитесь на диван лицом вниз. Молчать и дышать размеренно, ровно. Пока не разрешу, не двигаться.

Арманиус поджал губы. И так тонкие, сейчас они превратились совсем в ниточку, а карие глаза опасно прищурились.

— Ладно.

Больше он ничего не сказал, но я поняла: ректор еще припомнит мне это унижение.

Он привстал с кресла, на дрожащих по-старчески ногах переместился к дивану, сел на него, скинул халат и лег так, как я попросила. Я подошла ближе, стараясь не обращать внимания на голые ягодицы мужчины, которого боготворила с восьми лет, о чем не знал никто, даже он сам.

Положила ладони на лопатки, провела ими вдоль спины, считывая повреждения магического контура. Да... потрепало его знатно. Контур сейчас напоминал переломанный позвоночник — все энергетические точки разбросаны, сила хаотична. Архимаг Валлиус просил помочь ректору восстановиться. Просил именно меня, потому что именно я разрабатывала последние три года методику восстановления магических сил в усло-

виях сломанного энергетического контура. Прежде считалось, что это невозможно.

— Расскажите мне, что случилось.

— Это так необходимо? — огрызнулся архимагистр.

Защитница, даже если сложить вредность всех моих пациентов, окажется, что Арманиус им даст сто очков вперед.

— Да, необходимо. Мне нужно знать, чтобы понимать, с чем придется работать.

Кажется, я слышала скрип зубов.

— Из Геены несколько дней назад поперли совершенно жуткие твари, состоящие полностью из огня. И ничего их не брало... Пятнадцать архимагов погибло! Мои ученики, лучшие из лучших.

Я вновь провела ладонью по спине ректора.

— Почему же не погибли вы?

— Потому что я архимагистр, — огрызнулся Арманиус. — Я в огне не горю. Эти твари объединились и попытались сжечь меня, как сожгли остальных.

— Что же вы сделали?

— Сам стал огнем. Огонь, сжигающий огонь... Не думал, что это возможно, но это была моя последняя надежда. Если бы я догадался чуть раньше...

— Вы не виноваты.

— Не тебе об этом судить, — прохрипел архимагистр. — Делай свою работу, девчонка.

— Вы очень вежливы, — улыбнулась я, отняла руку от его спины и запустила ее в сумку. — Вам нужно брать уроки этикета. Урок первый предлагаю назвать так... — Я достала один из шприцов, сняла колпачок и, размахнувшись, воткнула иглу в энергетическую точку возле копчика. — «Не стоит хамить людям, которые делают вам укол».

Арманиус взревел от боли, но двигаться он сейчас не мог — в растворе содержался состав для обездвиживания. Жаль, для немоты там ничего не имелось.

— Ты что делаешь-шь!

— Тихо, тихо. — Я ввела препарат полностью и выдернула иглу. — Я еще не закончила. На сегодня осталось всего четыре укола, потерпите, архимагистр.

Два — над лопатками и два — в шею. Каждый раз Арманиус хрипел все тише, и это было объяснимо — я прекрасно знала, что боль, которую он испытывал, должна быть очень сильной, и сил на шипение становилось все меньше и меньше с каждым

уколом. Но увы — без боли раздробленный магический контур никак не срастить.

— Все. — Закончив, я встала и, не удержавшись, похлопала ректора по обнаженной ягодице. — Пока лежите, через полчаса сможете подняться. Я приду завтра в это же время, продолжим.

— С-с-с...

— Не стоит благодарности.

Двигаться архимагистр Бертран Арманиус действительно смог только через полчаса. Проклятая медсестричка... И что она ему вколола? Боль была такая, словно он только что выбрался из пламени демона Геенны.

Арманиус надел халат, пересел в кресло и прислушался к себе. Нет, легче не стало, контур по-прежнему был раздроблен, и собрать силу не получалось.

Настойчиво завибрировал браслет связи на запястье. Бертран покосился на сферический экран и поморщился — Брайон Валлиус, демоны раздери его медицинскую душу.

— Да.

— Ты жив, Берт?

— Ты издеваешься? — Арманиус не сказал — почти плюнул. — Ты кого ко мне прислал, Йон?!

Главный врач Императорского госпиталя поморщился.

— Умерь свой поганый характер, Берт. Эн тебе поможет.

— Неужели? Тогда объясни мне, какого демона у этой девчонки высшая магическая медицинская категория после трех лет стажа?

— Знаешь, — архимаг Валлиус почему-то развеселился, — я всегда тебе говорил и повторю еще раз — ты прекрасный охранитель, Берт Арманиус, ты отличный боевой маг, но демонски плохой ректор.

И, прежде чем собеседник успел придумать очередной ехидный ответ, Валлиус прервал связь.

Когда я вышла из дома архимагистра Арманиуса, меня слегка потряхивало. Действительно, забавно устроен человек — может одновременно столько всего ощущать! Я и злилась, и негодовала, и... Впрочем, не надо об этом думать.

Отряхнув снежинки с плеча, я улыбнулась прояснившемуся небу. Ничего, Эн, ты все выдержишь. Как и всегда.

Перехватив рабочую сумку поудобнее, я быстро пошла вдоль по набережной, стараясь побыстрее оставить позади дом архимагистра, в который мне все равно предстоит вернуться

завтра, как бы сильно я ни желала этого избежать. Впереди меня ждали другие больные, моя лаборатория и, конечно...

Браслет связи на запястье завибрировал. Да, архимаг Брайон Валлиус меня, несомненно, тоже ждал.

— Энни? Как ты?

Голубые глаза наставника смотрели тревожно.

— Вы волновались? — Я широко улыбнулась. — Ну что вы. Арманиус сейчас безобиднее котенка.

— Котенка с очень острым языком.

Я улыбнулась шире.

— Скажи мне, Энни... Есть у Берта шанс выкарабкаться из этого демонского дер... из этих демонских проблем?

— Я постараюсь, Брайон. Сделаю все возможное.

— Я сегодня говорил с его высочеством. Он сказал, если ты вытащишь Арманиуса, тебя представят к ордену Золотого орла... вновь.

Я закатила глаза.

— Лучше повысьте мне зарплату.

— Энни, — наставник засмеялся, — ты всегда была нахалкой. Сейчас в госпиталь?

— Да. Я зайду, как закончу работу.

Валлиус кивнул и отключился, а я прибавила шагу.

Орден Золотого орла... Забавно, что его высочество Арчибальд решил пожаловать мне эту награду во второй раз. Хотя однажды он ведь уже сделал исключение. Золотой орел — орден, предназначенный исключительно для аристократов, к которым я не относилась, как было понятно из моего имени. У аристократии имя и фамилия могут начинаться только на «А», «Б» или «В» (у королевской семьи — лишь на «А»), и фамилия всегда оканчивается на «ус». Остальные буквы — для людей попроще. У самых простых, практически безродных, как у меня, имя и фамилия должны состоять не более чем из пяти букв и не начинаться на «А», «Б» или «В».

«Вы слышали, что Эн Рин получила орден Золотого орла?!» — шумел университет тогда, три года назад.

«Да не может быть!»

«Она же безродная!»

«Она недостойна!»

Я лишь улыбалась. Недостойная... это слово эхом звучало у меня в ушах все время обучения. Но его высочеству Арчибальду было плевать на количество букв в моем свидетельстве о рождении. Он во многом был страшный формалист, но только не в вопросах чистоты крови и аристократизма. И именно ему —

и архимагу Валлиусу — я была обязана тем, что мне разрешили иметь в Императорском госпитале собственную лабораторию.

Конечно, это не могло не породить слухов определенного толка, но я слишком редко видела его высочество, чтобы они поддерживались.

И вот — опять этот орден. Надо будет добиться аудиенции и попросить Арчибальда не вешать мне на шею ненужную награду во второй раз. Три года назад это было делом принципа, да и я, по правде говоря, мечтала, что обо мне услышит архимагистр Арманиус. Услышит, придет на награждение... И ужасно расстроилась, когда он не пришел.

Теперь, спустя три года, я стала гораздо умнее и уже не ждала от ректора ничего хорошего. Я навсегда останусь для него недостойной.

Тепло поздоровавшись с охранниками, я поспешила по заснеженной дорожке к боковому входу. Так было удобнее добираться до маленького закутка на втором этаже, где находилась моя лаборатория.

Каждую секунду кивая коллегам, я взбежала по лестнице, коснулась ладонью замка — дверь сразу распахнулась, впуская меня в помещение, пахнущее дикой смесью разнообразных трав и книжной пыли.

Чихнув, я повесила пальто на вешалку, скрутила волосы в тугий узел на затылке, нацепила белый халат со сверкающей надписью: «Эн Рин, старший стажер», переобулась и поспешила на утренний обход своих пациентов. Они привыкли, что я навещаю к ним еще до завтрака, а сейчас было уже около одиннадцати утра — непорядок.

Терапевтическое отделение, к которому я была прикреплена, всегда заполнено под завязку, но моих пациентов там сейчас всего шестеро. Все — маги с повреждениями энергетического контура разной степени тяжести.

Поначалу, когда я занялась этой темой, однокурсники смеялись — мол, Эн, ты сошла с ума, не с твоими способностями! Ведь у меня самой энергетический контур настолько слаб, что я практически не могу использовать магию, а тут вдруг — восстанавливать чужой.

И только архимаг Валлиус, выслушав захлебывающуюся от волнения третьекурсницу — именно тогда в университете выбирают специальность, кивнул и сказал:

— Хорошо.

Я помню, что застыла, ощущая лишь, как колотится сердце.

— Хорошо?..

— Да, Эн. Очень хорошо.

Гораздо позже я поняла, что наставник ни на что особо не рассчитывал — просто он знал, что желание совершить одно открытие иногда приводит к другому. И оказался прав. На своем пути я совершила много важных для магической медицины открытий. И до сих пор работала над тем, что нравилось мне больше всего.

Каждый случай был уникален, и не существовало одного решения на всех. Приходилось экспериментировать, подбирать методики, препараты и схемы лечения. Кто-то восстанавливался за пару-тройку недель, на кого-то я тратила полгода — прогнозировать было тяжело. Но я билась до конца и побеждала.

Вылечу и архимагистра Арманиуса. Вылечила же я его высочество Арчибальда?

Обход и все процедуры я закончила только к обеду. Есть уже хотелось зверски, и я спустилась на первый этаж, в столовую для врачей.

— Эн! — увидев меня, приветливо помахала рукой сидящая за одним из столиков Ло Нор — старшая медсестра хирургического отделения и моя близкая подруга. Уровень дара у Ло чуть выше моего, но в университет она даже не совалась — после окончания школы пошла в медицинское училище при госпитале.

Я кивнула, набрала на поднос еды — обед для работников госпиталя был бесплатным — и опустилась на стул напротив Ло.

— Как там наш великий и ужасный? — Подруга заиграла густыми черными бровями. Волосы Ло высветляла до белизны, а вот брови оставляла родными. Почему-то ей нравилась именно такая внешность.

— Арманиус-то? — Я откусила большой кусок хлеба и с энтузиазмом погрузила ложку в суп. — Ношмаша, — произнесла с набитым ртом.

— А?

— Нормально, — ответила я еще раз, проглотив хлеб. Правда, тут же зачавкала супом. — Жить будет. А что, все уже в курсе, куда и к кому меня отправил Валлиус?

— Разумеется, — хихикнула Ло. — Ты же знаешь, у его секретарши язык без костей.

— И голова без мозгов...

— Точно. Так что сегодня все делали ставки, вышвырнет он тебя сразу или потерпит несколько дней.

— О! — Я развеселилась. — И как?

— Пока народ считает, что потерпит. Даже странно, с учетом характера Арманиуса.

— Они просто учитывают протекцию главного врача. — Я поморщилась. — Честно говоря, я тоже пока склоняюсь к мысли, что через пару дней он меня выгонит. Как раз массаж начнем...

Ло, знающая, что массаж — неотъемлемая часть терапии, вновь захихикала.

— Байрон, кстати, поставил на то, что ты продержишься до конца курса и вообще вылечишь Арманиуса.

Это было настолько удивительно, что я поперхнулась супом.

Байрон Асириус — мой заклятый враг еще со времен учебы в университете. Аристократ до последней капли крови, он терпеть не мог безродных выскочек, а я была самой выдающейся выскочкой из всех. Во время учебы я столько всего натерпелась из-за него! Впрочем, три года назад, когда мы оба стали сотрудниками госпиталя — только Байрон пошел в магическую хирургию, — он несколько поутих. Недолюбливал меня по-прежнему, но хоть козней не строил.

— Надо же. Может, он заболел?

— Да нет, здоров. Просто Байрон — один из немногих, кто знает тебе цену, Эн. Он тебя очень не любит, но не может не признавать твоих заслуг.

— Что ж, хорошо, если так. Он, конечно, первостатейная сволочь, но маг и хирург прекрасный. Думаю, со временем сможет занять место Валиуса.

— Вообще, — Ло понизила голос, — среди персонала ходят слухи, что главный врач прочит в преемники тебя...

Я усмехнулась и отодвинула опустевшую тарелку. Байрон намекал пару раз, и я полагала, что он заговорит со мной об этой возможности в самое ближайшее время.

Но пока я могла сказать только:

— Это всего лишь слухи, Ло, не более.

— Ну, дыма без огня...

— Бывает, еще как бывает. Пойдем? Пора возвращаться.

Ло улыбнулась.

— Знаешь, — протянула она, вставая, — я, конечно, ни разу не архимаг Валиус...

— Это точно.

— ...но была бы я им, выбрала бы тебя в преемницы.

Я промолчала. Мне не хотелось говорить, что это было бы высшей наградой для меня, безродной Эн Рин, которую он один когда-то счел достойной учиться в Высшем магическом университете Грааги.

Я родилась в маленькой деревушке на севере Альганны. Так называется наша страна, с севера окруженная смертоносной Геенной.

Когда и почему появилась Геенна, никто не знает. Магик-теоретики (впрочем, практики тоже) строят различные теории возникновения, но они все равно не более чем теории. Огромная стена из огня, уходящая далеко в небо — и если бы всего лишь стена! Не подходить к Геенне ближе чем на километр — простое правило, но она, если ей захочется, и сама может прийти к тебе в дом.

Временами оттуда что-то выбиралось. Это «что-то» всегда было разным, и охранители, дабы не путаться, называли любых порождений Геенны демонами. Иногда это были черные птицы, способные обращать в пепел все, к чему прикоснутся. В другой раз — белесый туман, внутри которого было так холодно, что людям приходилось срочно доставать теплую одежду. Огромные волки, чудовищные насекомые, мерцающие звезды, огненные монстры, сильные, секущие песком ветра — история порождений Геенны насчитывала несколько томов. Все это изучали охранители, к числу которых относился и Бертран Арманиус.

Мне тогда едва исполнилось восемь. Родители мои были простыми крестьянами, и кроме меня у них было еще трое детей. Эду тогда стукнуло четырнадцать, Эв было двенадцать, а Эм — пять.

В тот день родители работали в поле, а Эд им помогал. Мы с Эв и Эм играли во дворе, когда услышали вдалеке страшный, жуткий, нечеловеческий рев, а следом сигнал — громкий пронзительный свист, которым полагалось предупреждать соседей о том, что Геенна в очередной раз проснулась.

Эв моментально тоже засвистела в свисток — селяне от мала до велика носили такие на шее — а потом схватила нас с Эм и потащила в погреб. Мы хорошо знали, что нужно делать — за восемь лет, что я прожила с родителями, те вдолбили в наши головы, как нужно себя вести, если услышишь сигнал. И не важно, где ты будешь — в поле, в лесу или дома.

Мы просидели в погребе несколько часов, ощущая, как вибрирует земля вокруг нас. Сверху доносились странные, жуткие звуки, напоминающие крики смертельно раненных зверей. А потом все стихло.

Тишина была такой долгой и полной, что Эв решила — пора выходить. На самом деле это было прямым нарушением родительского наказа, но мы ведь были детьми... Эм капризничала,

не желая больше сидеть в холодном погребке, мы все хотели горячей еды, а над нами было тихо.

Поначалу, выбравшись наружу, мы даже не поняли, куда попали. Вокруг оказалось темно хоть глаз выколи, только кружились повсюду маленькие огненные светлячки — знак, что охранители здесь и выполняют свой долг.

А потом я увидела...

В темноте, в нескольких метрах от нас, что-то мерцало. Это что-то напоминало огромную змею. Чешуйки на ее теле мягко переливались, мигая, и это было бы красиво, если бы не было настолько жутко.

— Назад! — прошептала Эв, сжимая в объятиях Эм. — Энни, возвращаемся! Скорее!

Прошло много лет, а я до сих пор иногда просыпаюсь от тех слов сестры, сказанных свистящим шепотом, полным дикого страха. Так уж получилось, что больше ничего сказать Эв просто не успела.

Змея сделала рывок к нам, подбираясь ближе, подняла над землей большую голову, открыла огромный рот, в котором сверкнули три ряда ровных острых клыков, и извергла огонь, превратив сестер в горстку пепла за несколько секунд.

Мне повезло — я стояла чуть в стороне, и огнем меня почти не задело. Стало только очень жарко. И больно где-то в груди. Так больно бывает, когда хочешь заплакать, но что-то мешает, перекрывая дыхание.

— Ложись на землю! — крикнули вдруг позади меня, и что-то такое было в этом голосе, что я моментально послушалась — рухнула на пепелище. Все, что осталось от нашего дома, как я позже выяснила, — лишь пепел. Вот почему мы с сестрами совсем ничего не узнали, когда выбрались на поверхность.

Змея заревела. Я узнала этот рев — мы слышали такой, пока сидели в погребке. Мимо промелькнула какая-то тень, а прямо надо мной появился сверкающий купол, похожий на мыльный пузырь. Змея вновь извергла огонь, купол засветился сильнее, волосы на моей голове встали дыбом, но защита выдержала. Правда, защищала она лишь от жара, но не от ужасного запаха и не от пепла, забившего мне нос и попавшего в глаза.

Когда я проморгалась, то увидела, что змей прибавилось, — теперь вокруг купола ползали целых три твари, пытаясь дотянуться то огнем, то зубами до человека в плаще охранителя, который двигался так стремительно, что я даже не могла его рассмотреть.

Одной змее он отрубил голову длинным огненным клинком, другую проткнул насквозь, а третья... Третья все-таки сумела его ранить. Он чуть замедлился, и я увидела длинную царапину на плече. Охнула от ужаса — а он бросился вперед, сам вспыхивая огнем, сжал змее шею голыми руками, вновь полыхнул огнем и упал на землю, засыпанный пеплом, оставшимся от чудовища.

Несколько секунд и он, и я лежали недвижно. Потом он шевельнулся, и откуда-то издалека раздалось:

— Берг! Ты жив?!

— Жив... — прохрипел охранитель. — И эти твари тоже живучие! Покончили с ними?

— Да, слава Защитнику. Полдеревни пожгли! У тебя есть кто?

Мой спаситель наконец встал, оглядел поставленный защитный купол и меня под ним, кивнул. Потом опомнился.

— Да, есть. Ребенок. Девочка.

— Тащи!

Он подошел ближе. С гулким «бум» лопнул купол.

— Как тебя зовут? — спросил уставшим, хриплым голосом.

Я открыла рот, собираясь ответить, но вместо этого закашлялась — повсюду был пепел.

— Ладно. Потом.

И не успела я кашлянуть еще раз, как взлетела в воздух, оказавшись на плече у охранителя. Вцепилась в него двумя руками, потом обняла за шею, ощущая, как режет глаза и вновь больно становится в груди.

Он пах дымом, пеплом и огнем. Как и я. Но кроме этого был еще какой-то запах, который я помнила долгие годы. Теперь я знаю, что это был его собственный запах. Именно так пахло дома у архимагистра Арманиуса.

Через минуту он аккуратно посадил меня на поваленное дерево. Рядом теснились еще дети — кто-то плакал, кто-то хныкал, но большей частью все молчали.

Сел передо мной на корточки, заглянул в глаза. У него самогони были темными, как очень крепкий чай.

Улыбнулся и мягко, ласково спросил:

— Как тебя зовут, зеленоглазка?

Я смутилась. Так меня называла мама. Говорила, что я единственная унаследовала бабушкины зеленые глаза.

— Эн Рин, господин охр... — Я хотела сказать «охранитель», но закашлялась.

Он нахмурился.

— Арвен, воды!

Женщина в плаще охранителя протянула ему небольшую фляжку, и через секунду я уже жадно приложила к ней. Пила долго, жадно...

— Тихо, тихо, не переборщи. — Он отнял фляжку. — Сейчас мы составим списки, а потом отправим вас туда, где можно будет поесть и выспаться. Где были твои родители, когда это случилось?

— В поле... — прошептала я и заметила, что он отвел глаза. — Они погибли, да?

— Мы пока не знаем. Может... — Он посмотрел на меня, вздохнул. — Скорее всего, да.

Я шмыгнула носом.

— Не плачь. Ради них ты должна быть сильной. Лучше выпей еще воды.

Я послушно сделала глоток из фляжки.

— А вы... вы хотите воды?

Он улыбнулся, наблюдая за мной.

— Спасибо, зеленоглазка, но вся эта вода — твоя. У меня есть своя. Посиди пока тут. Как, ты говоришь, тебя зовут?

— Эн Рин, — повторила я и, поколебавшись, выпалила: — А вас?

— Берт. — Улыбка стала чуть шире.

— Не-э-э. — Я помотала головой. — Вы... у вас должно быть длинное имя!

— Есть и длинное. — Он кивнул. — А зачем тебе?

— Я запомню, — ответила я серьезно.

— Хорошо. — Он легко погладил меня по голове, встал и наконец ответил: — Мое длинное имя — архимагистр Бертран Арманиус. Расти большой и счастливой, зеленоглазка.

— Постараюсь...

Он ушел и больше не подходил ко мне — лишь кивнул и улыбнулся, когда меня забирали в приют для детей-сирот, чьи родители были убиты Геенной. И я улыбнулась ему в ответ.

Архимагистр Бертран Арманиус, спасший за эти годы множество детей, конечно, забыл маленькую зеленоглазую Эн Рин. Зато она его — нет.

В приюте для детей-сирот я провела восемь лет. Несколько раз меня хотели отдать приемным родителям, но я противилась, не желая уезжать. Причина была проста. Я заболела магией. Директор приюта — магистр Элеонора Мардаар — была хорошим бытовым магом, отличным преподавателем и очень

мудрой женщиной, которая всегда интересовалась мнением своих подопечных. И она, видя, что я не хочу покидать приют, не стала настаивать. Хотя дело было только в том, что я боялась уехать и потерять возможность изучать магию.

В приюте была прекрасная библиотека с богатейшим собранием книг. Моя тяга к знаниям, в том числе и магическим, всячески поощрялась, поэтому мне разрешали приходить в библиотеку практически в любое время, кроме ночи, и изучать любую книгу. Магией со мной и еще несколькими детьми занималась сама Элеонора. Других магов среди учителей не было.

Мне исполнилось четырнадцать, когда магистр Мардаар сказала:

— Эн, перестань мечтать о магии. У тебя очень слабый дар, на грани видимости. Твое рвение, конечно, похвально, но с таким уровнем дара ни в одно учебное заведение тебя не возьмут.

Я только упрямо поджала губы. И продолжила изучать то, что считала своим призванием. Хотя теперь я понимаю, что первоначально мое желание приобщиться к магии было связано лишь с Бертраном Арманиусом. Я влюбилась в него по-детски глупо и с упрямством горной козы начала штудировать книги, изучать схемы заклинаний и рецепты зелий.

Я не помню, когда желание быть магом стало моим собственным желанием, трансформировалось в настоящую цель и потребность. Но я была благодарна Элеоноре Мардаар — впрочем, я благодарна ей и сейчас, — что она, даже не видя во мне нормального дара, продолжала обучать и помогать. Возможно, в глубине души она тоже верила, что у меня все получится. Я бы спросила ее об этом, но уже не смогу — магистр умерла перед моим выпуском из приюта, так и не узнав, что меня приняли в самое престижное учебное заведение Альганны.

В кабинет к Валлиусу я зашла ближе к вечеру, перед уходом. Наставник, в отличие от меня, всегда был совой и сейчас сидел за столом и с очень бодрым видом изучал какие-то бумаги. Я же после вечернего обхода больных и работы с реактивами чувствовала себя полумертвой.

Но усталость слетела, как и не было ее, как только я увидела посетителя архимага Валлиуса.

— Ваше высочество!

Принц Арчибалд улыбнулся и встал с кресла, протягивая мне руку.

— Эн, рад вас видеть.

Он имел право называть меня на «ты», но никогда не называл. Он мог бы просто кивнуть, но предпочел встать и пожать мою ладонь.

До встречи с его высочеством Арчибальдом, двоюродным братом императора, я думала, что принцы такими не бывают. Не бывают честными, благородными, смелыми и не считающими себя исключительными. И если с особами королевской крови можно дружить, то я могла бы сказать, что являюсь другом его высочества.

— Я тоже очень рада вас видеть, — ответила я, ощущая приятную теплоту в груди.

— Садитесь, Эн. — Арчибальд кивнул на стул напротив себя и Валлиуса.

Я опустила на предложенное место и вопросительно посмотрела на принца. Я слишком хорошо понимала — подобные ему люди не приходят просто так.

— У его высочества есть одна идея, — пояснил наставник, сверкая ярко-голубыми глазами за стеклами очков. — Он хотел обсудить ее с тобой.

Я чуть напряглась. Опять орден Золотого орла?

Оказалось, нет.

— Я хочу предложить императору закон, по которому возможно будет получать титул не по рождению, а по заслугам перед империей. Сейчас он передается только от родителей детям, я же хочу предложить награждать им отличившихся перед отечеством.

Я кивнула.

— Я поняла идею, ваше высочество. Позвольте узнать, при чем тут я?

Арчибальд улыбнулся.

— Вы же все поняли, Эн. Энни Ринниус... Как вам такой вариант?

— Честно говоря... — Я заколебалась, но все же ответила: — Я не имею ничего против подобного закона, ваше высочество, я даже «за». На мой взгляд, у нас слишком много привилегий для аристократии, которые они получают только по праву рождения, и это несправедливо — простые люди ничуть не хуже. Но я...

— Ладно тебе скромничать, — пробормотал Валлиус, и я усмехнулась.

— Я не скромничаю, Брайон. Мне не нужны титулы. Мне нужны только моя лаборатория и возможность заниматься тем, чем я занимаюсь. Вы дали мне это, ваше высочество... — Я поч-

нительно склонила голову. — И я считаю, что титул — это лишнее.

— Он пригодится вашим детям, Эн, — мягко заметил Арчибальд. — Даже если вам не особенно нужен. Да и...

Его высочество запнулся, и я продолжила:

— Да, я помню, что не имею права выходить замуж за человека выше меня по происхождению. И если вы хотели сказать — да и выйти замуж будет проще, могу ответить: это не то, что меня интересует.

— Я понимаю, Эн. — Арчибальд поднялся и, скользнув по мне взглядом, повернулся к Валлиусу. — Я пойду, Брайон, мы с тобой обсудили все, что хотели. Эн, подумайте все же. Мы подготовим приказ для императора за пару месяцев, и я бы очень желал, чтобы вы были в числе первых награжденных. Думаю, вы понимаете почему.

— До свидания, ваше высочество. — Мы с наставником синхронно склонили головы.

Конечно, я понимала почему. Арчибальд, когда-то потерявший магические способности, был благодарен мне за исцеление и...

— И ни демона ты не понимаешь! — вспыхнул Валлиус, как только его высочество вышел.

Я подняла брови.

— Что?..

— Эн, — архимаг вздохнул и покачал головой, — на свете существуют не только магия, пробирки, эксперименты и больные. И кроме Бе... тьфу. В общем, мужчин на свете тоже много. Может, ты наконец высунешься из своей норы и начнешь обращать внимание на окружающих?

Вот теперь я действительно ничего не понимала.

— Но я...

— Арчибальду давно пора жениться! — продолжал главный врач на тех же повышенных тонах. — А он все... как сыч!

Я задумчиво почесала лоб.

— Брайон, а при чем тут... — Я запнулась. — О... А... Э... Вы хотите сказать?..

— Я ничего не хочу сказать! — Валлиус тут же надулся. — Я вообще молчал.

— Ну да. — Я развеселилась. — Вы неисправимый романтик, мой дорогой наставник. Двоюродный брат императора — и безродная девчонка. Отличный сюжет для женского романа.

— Ох, Энни... — Архимаг вновь вздохнул. — Что же мне с тобой делать, девочка...

— Повысить зарплату?

— Нахалка. Ладно, расскажи мне подробнее про Берта, как у него дела.

Я сразу отогнала от себя мысли о возможности стать принцессой и вернулась к работе.

На самом деле зарплата у меня была более чем приличная — наставник не скупился, но позволить себе собственную квартиру я пока не могла. По очень простой причине — я была обязана пять лет после окончания университета работать на его благо, и практически вся зарплата уходила на уплату долга за обучение. Его высочество Арчибалд три года назад предлагал все оплатить, но я отказалась. Иметь свою лабораторию и возможность заниматься магической наукой, получить орден Золотого орла — это одно, но брать деньги за то, что на тот момент было рискованным экспериментом, неправильно.

В общем, жила я по-прежнему в общежитии университета и собиралась жить так еще два года, а потом купить небольшую квартиру. За три года аспирантуры и работы в госпитале я скопила вполне приличную сумму, достаточную для первого взноса.

День, когда я переступлю порог собственного жилья, точно будет знаменательным, но пока я двигалась через университетский парк по направлению к общежитию, наслаждаясь чудесными пейзажами. Деревья в шапках снега, заледенелые скамейки, расчищенные дворниками дорожки и неяркий свет фонарей. В этом свете снег переливался, словно миллионы драгоценных камней...

И я вдруг вспомнила, как все начиналось.

Тогда, в день вступительного экзамена, стояла страшная жара. Июнь выдался удивительно душным и засушливым, на улицах было совершенно невозможно дышать. Впрочем, возможно, так мне казалось просто от волнения.

А внутри университета царил прохлада, и от разницы температур у меня моментально похолодели руки и повлажнел лоб. Страшно... Как же страшно было дожидаться своей очереди, чтобы войти в огромную деревянную дверь, за которой поступавших ждала приемная комиссия.

Мне было шестнадцать лет. Маленькая безродная девочка, почти ребенок, в дешевом зеленом платье — под цвет глаз, — с двумя темными косичками и алыми от волнения щеками. Я бормотала про себя все выученное и искренне верила в то, что меня обязательно примут.

Одиннадцать магов, и каждый из них смотрел на меня внимательно и цепко. А я, наоборот, не видела почти никого, кроме архимагистра Бертрана Арманиуса... который сказал сразу, как я вошла:

— Вы не приняты. Можете идти.

Я застыла как громом пораженная. Я ведь еще даже не успела дойти до места, где полагалось стоять экзаменуемому, только вошла в зал.

— Простите?.. — почти прошептала я, прижимая руку к груди. Послышалось?..

— Вы не приняты, — повторил ректор университета громче. — Вы можете идти и не тратить наше время.

— Берт. — Седой мужчина в очках, сидящий рядом с архимастром, поморщился. — Можно было бы деликатнее.

— К демонам деликатность, — огрызнулся Арманиус. — За дверью еще сто пятьдесят абитуриентов. Что вы застыли? Я же сказал — можете идти!

Наверное, страх придал мне сил.

— Но почему? — выдохнула я. — Я ведь еще ничего не успела сказать или показать...

— Вы ничего не можете сказать или показать, — резко проговорил человек, который когда-то спас меня. — Уровень вашего дара меньше ногтя на моем мизинце. Вы не можете у нас учиться.

«Я не могу у них учиться»...

Да. Но уйти я тоже не могла — ноги не слушались.

— Позвольте, — мягко проговорила одна из женщин-магов, — но почему вы, барышня, вообще решили поступать к нам? Вам разве не говорили, что вы очень слабы как маг?

— Я не слаба! — Я упрямо сжала зубы и помотала головой. — Я могу доказать, что не слаба!

— Доказать? — с интересом протянул другой маг. — Каким образом?

— Для этого и существует экзамен! — Я вздернула подбородок, хотя больше всего на свете мне хотелось разреветься. — И вопросы! Спросите меня что-нибудь.

— А начертите-ка нам формулу огня, — сказал тот самый седой мужчина, который просил Арманиуса быть деликатнее.

— Какого огня? — уточнила я. — Вечного, временного, необжигающего, слепящего, простейшего или...

— Коллеги! — От рева ректора я почти подпрыгнула. — Мы тратим драгоценное время. Я охотно верю, что девочка сможет

рассказать нам всю вызубренную теорию, но этот факт не делает ее магом.

— Магами не рождаются, а становятся! — возразила я, удивляясь собственной смелости. — Вы сами так говорите, архимагистр.

— Чтобы стать магом, нужно иметь дар. — Арманиус окинул меня откровенно раздраженным взглядом. — А у вас его практически нет.

— Практически, но не абсолютно.

— Хватит! — Ректор поднялся из-за стола. — Коллеги, кто еще, кроме нашего сердобольного Брайона, собирается экзаменовать эту особу?

Все молчали. И от этого молчания мне стало так жутко и плохо, что я всхлипнула.

И в этот самый момент я поймала на себе взгляд архимага Валлиуса — седого мужчины в очках, чьего имени я тогда еще не знала. И взгляд этот был сочувствующим.

— Бертран, — сказал мой будущий наставник негромко, но настойчиво, — у каждого из нас, как ты помнишь, есть право поручительства за одного из абитуриентов. Я использую это право, ручаясь за эту девочку, и прошу позволить ей сдать экзамен.

Арманиус закатил глаза.

— Хорошо, делай, что хочешь. Тогда я пока пойду пообеду. При голосовании прошу учесть, что я против принятия данной особы в университет. Я считаю, что она недостойна здесь учиться.

Недостойна...

Недостойна...

Недостойна...

Это слово эхом повторялось в моей голове, пока ректор, чеканя шаг, шел к выходу. И дышать казалось невозможным, и больно было так, словно у меня вновь кто-то умер.

А потом я услышала тихий голос архимага Валлиуса:

— Ну что ж, Эн, продемонстрируйте нам формулу... пожалуйста, вечного огня.

Я сглотнула, сморгнула выступившие слезы и начала отвечать.

Полтора часа... полтора часа они вдесятером задавали мне самые каверзные вопросы, на каждый из которых я дала ответ. На какие-то вопросы я отвечала лучше, на какие-то — хуже, но не пропустила ни один. Экзаменаторы кивали, но мрачнели. Все, кроме архимага Валлиуса.

— Что ж, коллеги, — сказал он, когда я рассказала десять основных правил построения иллюзий, — я по-прежнему ручаюсь за Эн и прошу принять по ней положительное решение.

— Брайон... — хором протянули несколько магов, но мой будущий наставник только рукой махнул.

— С Бертом я сам разберусь.

Вот так я была зачислена в самое престижное учебное заведение Альганны.

Здание общежития находится на территории университета, в пяти минутах ходьбы от главного корпуса, где я когда-то училась. Последние три года я старалась обходить это место стороной, чтобы не встретиться с ректором. Хотя теперь Арманиус не сможет явиться на свое рабочее место, пока не выздоровеет. По правде говоря, он и ректором быть не может, но с Церемонией из уважения к нему будут тянуть до последнего...

Мои мысли прервал оклик:

— Эн!

Я обернулась. По дорожке, ведущей к общежитию, бежал мой однокурсник и хороший друг Рон Янг. Безумно талантливый маг, но почти такой же безродный, как и я.

— Ты как? Я демонски беспокоился, когда услышал, что Валлиус отправляет тебя к этому... — Рон явно проглотил ругательство. — Все в порядке?

Я кивнула и засмеялась.

— Неужели слухи уже и по городу бродят? Не ожидала, что стану настолько популярной за последние сутки.

Поняв, что у меня хорошее настроение, Рон явно приободрился.

— Прости, Энни, но при чем тут ты? Арманиус — вот чья слава двигает эти слухи. С тех самых пор, как он вернулся с задания с переломанным энергетическим контуром, ему перемыли все кости. А тут еще и твое назначение! Сама понимаешь, что люди говорят.

— Безродная выскочка будет лечить одного из лучших магов Альганны — какой ужас! Как Валлиус посмел! Неужели нельзя было выбрать кого-то породовитее и поталантливее?

— Именно так. — Друг поморщился. — В институт эту грязь принес Вальт, ну я ему и...

— Рон!

— Да ладно. Ничего серьезнее выговора мне не светит, не волнуйся.

После окончания учебы Рон пошел в Научно-исследовательский институт артефакторики. Работа с различными магическими предметами всегда нравилась ему больше, чем судьба охранителя. Хотя сам Арманиус предлагал моему другу стать охранителем. Рон действительно был одним из лучших боевых магов, но, как он тогда сказал, наука всегда будет ему ближе грубой магической силы.

Еще и благодаря Рону я умудрялась сдавать многочисленные экзамены по применению этой самой грубой магической силы. Преподаватели не запрещали пользоваться накопителями, и на время экзамена я из практически немага становилась слабым магом. Просто так я накопители не носила — они давили мне на грудь, словно камни. Я могла терпеть только артефакты, изготовленные Роном, даже собственные не выносила, хотя и умела делать.

— Возьми. — Друг, шагнув вперед, повязал на моем запястье рядом с браслетом связи тонкую красную нить, которая тут же растаяла, словно впитавшись в кожу.

— Что это?

— Так, безделица. Арманиус сейчас не маг, но он тем не менее остается мужчиной. Если проявит агрессию — его слегка... шарахнет.

— Рон! И не стыдно тебе?

— Не-а. — Друг улыбался, но в глазах его была тревога. — Ты же знаешь мой принцип — чтобы не вляпаться, лучше перестраховаться. Кстати, там еще следилка.

— А это зачем? — Я подняла брови.

— Энни... — Рон вздохнул. — Ты меня сегодня удивляешь. Ты представляешь, сколько магов хотят, чтобы Арманиус никогда не оправился от этого потрясения?

— Ах вот ты о чем...

— Именно. Будь осторожнее, пожалуйста! А я пока подумаю, что еще могу сделать.

— Рон!..

— Все-все, не спорь. Побежал я, сегодня дежурю, на часок только вырвался, чтобы с тобой пересечься.

Друг быстро сжал мою ладонь, приобнял и, кивнув, почти бегом бросился по дорожке обратно в город, оставив в моей душе след невнятного беспокойства.

«Ты представляешь...»

На свою беду, я действительно представляла.

ГЛАВА 2

Утром следующего дня, вновь увидев эту медсестричку, Берт сразу подумал, что она безумно напоминает ему Брайона Валлиуса. Не внешностью, нет — манерой говорить с пациентом, четкими и уверенными движениями, сосредоточенностью на деле. Так же, как Валлиус никогда не отвечал на его подколки во время работы, эта Эн Рин полностью игнорировала попытки Арманиуса ее задеть.

А еще Берту все время казалось, что он где-то видел эту девочку раньше. Но где? Не могла же она окончить его университет — слишком слабый дар. Да и не выпускали они медсестер, только врачей.

Эн Рин нельзя было назвать красивой, но определенное очарование в ней имелось. Белая кожа, нежная и прозрачная на лице, а на руках — грубая и шершавая, явно попорченная магическими реактивами, темные волосы, заплетенные в косу, и глаза настолько зеленые, что Берт не сомневался — наведенные, не настоящие.

А подбородок у нее был упрямый — тоже как у Брайона. Может, внебрачная дочь? А что, почему бы и нет... Хотя старик вроде бы никогда не изменял жене.

— Кто твои родители?

Девчонка, сосредоточенно что-то переливающая из трех колб в одну, чуть вздрогнула и поморщилась.

— Архимагистр, я прошу вас не отвлекать меня лишними вопросами.

Берт даже онемел на секунду. Вот это наглость!

— Ты не забываешься?

— Я работаю. А вы мне мешаете. — Она наконец закончила переливать, взболтнула колбу, а потом протянула ее Арманиусу. — Пейте.

Он нахмурился.

— И не подумаю, пока не объяснишь, что это.

Эн поджала губы. Хорошенькие, кстати, губы...

— Если я буду объяснять вам каждое свое действие, в госпиталь вернусь в лучшем случае к обеду. Либо пьете без лишних вопросов, либо давайте закончим лечение. Архимаг Валлиус может прислать вам кого-нибудь поразговорчивее.

Почему-то вместо того, чтобы рассердиться, Берт развеселился.

— Ты точно в больнице работаешь, а не надзирателем в тюрьме?

Девчонка чуть усмехнулась и все-таки всучила ему колбу.

— Кнута нет, как видите. Пейте, — вздохнула и добавила: — Понимаете, единой схемы лечения больных с повреждениями, подобными вашим, не существует. Я каждый раз экспериментирую. Поэтому просто доверьтесь.

— Довериться? — переспросил Арманиус язвительно. — Это совсем непросто.

Она промолчала, только перевела выразительный взгляд на колбу. И Берту ничего не оставалось, кроме как выпить содержимое.

Ему показалось, что он выпил огонь. Все внутренности будто загорелись, и было непонятно, за что лучше хвататься, — болело все и сразу.

— Без боли не бывает выздоровления, — пояснила Эн, укладывая хрипящего Берта обратно на диван. — Я это давно поняла. Не поняла только пока, как связано одно с другим.

Арманиус тоже не понимал. Он понимал другое — не может эта девчонка быть обычной медсестрой. Значит, Валлиус его обманул. Но зачем? И кто она в таком случае?

Врач?! С подобным уровнем дара?! Невозможно.

Между тем Эн распахивала халат на его груди и щупала ребра. Он бы спросил, что она такое делает, но говорить не мог. Мог только хрипеть.

— Сейчас я нажму на несколько энергетических точек, станет еще больнее.

Куда уж больнее?!

— И, как вчера, двигаться вы не сможете примерно полчаса. Потом все пройдет. Завтра я вновь приду. И, пожалуйста, наденьте белье — завтра я буду работать с точками на ваших бедрах.

«Этого еще не хватало!» — подумал Берт, выгибаясь от боли. Ничего же не делает, легко давит на кожу, а кажется, будто ломает ему позвоночник.

Но почему-то именно в этот момент Арманиус вдруг ощутил свой магический контур. На секунду, но ощутил. И ужаснулся.

Лучше ощущать пустоту, чем вот это... И Валлиус считает, что его можно вылечить? Нет, это нереально!

Прохладные пальцы коснулись груди, запахивая халат. Берт жмурился от боли и почти ничего не видел, кроме невнятного силуэта девчонки над ним, но зато он мог думать. В конце концов, боль — вечная спутница охранителей в их работе, и если ты не умеешь думать, испытывая ее, ты не жилец.

И Арманиус неожиданно вспомнил его высочество Арчибальда. Глава охранителей и правая рука императора три года назад потерял дар во время борьбы с одним из ужаснейших порождений Геенны. Берта тогда не было в столице, и по возвращении, когда оказалось, что Арчибальд выздоровел, он решил, что слухи были преувеличены.

Видимо, пора узнать, что на самом деле тогда случилось.

Сегодня Арманиус был более покладист, чем накануне, хотя ему все равно далеко до идеального пациента. И я даже не надеялась, что наш с архимагом Валлиусом «маскарад» продлится долгое время. Нет, совсем скоро ректор догадается, что я не могу быть просто медсестрой. Ну и ладно. В конце концов, в моей биографии нет ничего постыдного. Наоборот — мне есть чем гордиться.

И теперь, после того как Арманиус на секунду ощутил свой магический контур, я по-настоящему поверила в то, что все получится. Не может не получиться.

Наконец-то я отдам ему долг. Арманиус спас меня тогда, семнадцать лет назад, а сейчас я помогу ему вновь стать магом. Дар — это, конечно, не совсем то же, что жизнь, но магу без него любая жизнь не мила.

У принца Арчибальда все было гораздо печальнее, как я до сих пор помнила. Впрочем, его высочество вообще был самым сложным моим пациентом. И самым лучшим.

В тот год я окончила университет и поступила в аспирантуру по специальности «магическая медицина». Моим руководителем, конечно, был Валлиус, он же одобрил тему научной работы «Необратимые разрушения энергетического контура у магов». Некоторые преподаватели закатывали глаза и говорили, что мы с ним сошли с ума, на что наставник отвечал:

— Никого не слушай, Энни. Просто работай над тем, что тебе интересно.

Так я и делала.

Брайон устроил меня на практику в Императорский госпиталь, прикрепил к терапевтическому отделению, и я получила доступ к больным моего профиля. Я зарисовывала их разрушенные контуры, вела дневник симптомов и развития «заболевания», понемножку экспериментировала с известными методиками лечения. Хотя они в основном сводились к психологической помощи — магов срочно и максимально деликатно учили быть немагами. Разработки по восстановлению контуров, разумеется, велись и до меня — мне было что изучить, но

все исследователи пришли к выводу, что в случае со сломанными контурами любой достигнутый прогресс обратим. Если контур поврежден немного, не переломан, его можно восстановить, но, если раздроблен, — пиши пропало. Именно так считалось раньше.

В тот день госпиталь гудел. Меня никогда не интересовали сплетни, но не в этот раз. Услышав, что на больничную койку попал принц Арчибальд — с необратимыми разрушениями энергетического контура! — я поняла: вот он, мой шанс. Сейчас или никогда. Все или ничего.

Его высочество, конечно, лежал в отдельной палате, в стороне от других больных, и мне, чтобы попасть туда, пришлось миновать огромное количество охраны. Но у меня был пропуск от Валлиуса. Наверное, даже если бы наставник не подписал мне его, я бы все равно нашла способ пробраться в палату к Арчибальду. Но Брайон не возражал, только улыбнулся и сказал:

— Нахалка ты.

На самом деле нет. И мне было очень страшно, когда я целенаправленно шла к его высочеству, захватив с собой на всякий случай все свои записи. Но страх не причина отступать.

Зубы стучали и дрожали ладони, когда я толкнула дверь в палату Арчибальда, перед этим показав охранникам пропуск главного врача госпиталя. На лбу выступил холодный пот, дыхание перехватило... Пожалуй, последний раз мне было настолько страшно в день вступительного экзамена.

У окна стоял невысокий коренастый мужчина с темными волосами и глазами цвета гречишного меда. Я много раз видела портреты принца Арчибальда, но никогда не думала, что человек, на рисунке казавшийся совершенно обычным, в жизни произведет на меня другое впечатление.

Я чувствовала его силу. Не магическую — силу духа. Волю в расправленных плечах, смелость в открытом взгляде, мужество в линии губ. И даже то, что он оказался одет не в халат, как все прочие пациенты, а в брюки и рубашку, поразило меня до глубины души.

Я склонила голову.

— Добрый вечер, ваше высочество.

— Добрый вечер, — сказал Арчибальд спокойным и почти невозмутимым голосом.

Я видела до него множество пациентов, потерявших магию, и многие из них бились в истерике. Но не он.

Я сделала шаг вперед и, задохнувшись на секунду от волнения, начала говорить:

— Я прошу прощения... Меня... Я учусь в аспирантуре у архимага Валлиуса и пишу научную работу по повреждениям энергетического контура. — Взгляд принца на мгновение помрачнел, и я заговорила быстрее: — Я очень хочу попробовать восстановить ваш контур! Это считается невозможным, но я исследую эту тему уже более четырех лет и уверена, что все возможно! У меня есть определенные успехи в реабилитации других больных, но, конечно...

— Как вас зовут?

Я запнулась и замолчала. Несколько раз недоуменно моргнула, а потом переспросила:

— Зовут?

Арчибальд едва уловимо кивнул.

— Да. Вы не представились. Как вас зовут?

Мне стало неловко. Но я ведь и вправду думала, что принца не должна волновать такая мелочь, как мое имя.

А еще было немного стыдно его называть. Хотя я никогда не стыдилась своего происхождения.

— Эн Рин, ваше высочество.

— Очень приятно, Эн Рин. Эн... — Арчибальд вежливо улыбнулся. — Я могу называть вас так?

— Да, конечно...

— Расскажите мне подробнее обо всем. Прежде чем соглашаться на ваше предложение, я должен понимать риски.

— Никаких рисков! — Я едва не подпрыгнула от радости. — Хуже вам точно не станет! — Поняла, что ляпнула, и добавила: — Простите, я...

— Ничего. — Арчибальда, кажется, нисколько не взволновала моя бестактность. — Я понял, что вы имеете в виду, Эн. Я уже потерял дар, и хуже теперь не будет. Значит, жизнь я потерять не могу?

Я закусила губу.

— Ну... Все разработки я утверждаю у архимага Валлиуса, и до сих пор ни одного случая со смертельным исходом не было... Но и выздоровлений тоже пока не было.

— Я понял.

И я, осмелев, почти два часа рассказывала его высочеству о своей работе. Он оказался внимательным и благодарным слушателем — пристально рассматривал мои записи и рисунки, задавал вопросы, и взгляд его с каждой секундой становился все живее, все решительнее.

«В тот вечер вы подарили мне надежду, Эн», — так Арчибальд скажет три месяца спустя, когда поймет, что вся его сила наконец при нем и энергетический контур восстановлен.

— Я согласен.

Поначалу я решила, что ослышалась...

— Правда?

— Да. Я согласен. Я понимаю, что вы ничего не можете гарантировать, но давайте попробуем. Теперь я — ваш пациент, Эн.

Я улыбнулась и, увидев его ответную улыбку, смущенно опустила глаза.

— Спасибо...

— Вам спасибо, — сказал Арчибальд тепло. — И если вы действительно сможете мне помочь, просите что хотите. Я дам вам все.

Тогда я не обратила внимания на эти слова — не была уверена, что из этой моей затеи вообще что-то выйдет. Но его высочество никогда не разбрасывался обещаниями и на самом деле сделал для меня все, что мог, и даже больше.

Я подарила ему надежду. А он мне — веру в то, что я не просто выскочка, я чего-то стою и меня есть за что уважать.

Про Эн Рин проще всего было спросить у его высочества, но Берт решил оставить Арчибальда напоследок. Отношения у них с некоторых пор были напряженными, и ему не хотелось тревожить принца лишний раз. Нет, врагами они не были, но и друзьями — тоже.

Так уж получилось, что отец Берта, архимагистр Артуро Арманиус, был виновен в гибели невесты его высочества. Косвенно, но все же был.

Ее звали Брианна Агариус. Они с Арчибальдом вместе учились в университете на охранителей, и Арманиус-старший, как глава охранителей, прочил обоим большое будущее. Берт уже тогда был ректором, и он хорошо помнил Брианну — милая девушка с небесно-голубыми глазами, белой кожей и черными волосами. Талантливый маг. Они с принцем были безумно влюблены друг в друга.

После окончания университета охранителей ждет трехгодичная практика — до ее завершения они считаются лишь стажерами и только после получают на грудь значок с пером Золотого орла — птицы — покровительницы Альганны.

Брианна и Арчибальд стажировались лишь неделю. А потом с севера пришел сигнал об очередном демоне Геенны, и разведчики, отправленные на место происшествия, сразу присвоили ему высший уровень опасности.

Арчибальд умолял Арманиуса-старшего не брать туда Брианну, хотя именно она в тот день дежурила и вместе с отрядом других охранителей должна была перенестись на север. Принц очень боялся за свою невесту и просил сделать для нее исключение.

— Нет, — отрезал Артуро. — То, что Брианна — ваша невеста, не дает ей права уходить с дежурства. В отряде все чьи-нибудь невесты, жены, мужья или дети. Если я начну отпускать людей по причине, которую вы мне назвали, ваше высочество, от охранителей ничего не останется. Не нужно использовать свой статус и положение во имя подобной цели.

Арманиус-старший был прав, и принц отступил.

Берт в тот день тоже дежурил и отлично помнил огромных черных птиц, будто бы сотканных из дыма, одна из которых бросилась к нему, а другая — к Брианне. И отец, стоявший рядом с ними обоими, помог именно Берту — конечно, невольно, — хотя по правилам охранителей должен был помочь Брианне как менее опытному стажеру. Но родственные связи сыграли свою роль — и Берт выжил. Хотя он выжил бы и без помощи Арманиуса-старшего. А вот Брианна погибла.

Отец после этого случая ушел в отставку, и главой охранителей на время стал Аарон Актониус, его правая рука и хороший друг. А через двадцать лет, после смерти и отца Берта, и Аарона, место главы охранителей занял принц Арчибальд.

Он никогда и ничего не говорил Берту, но общался с ним настолько холодно и отстраненно, что Арманиус не сомневался — его высочество до сих пор все помнит. И он ничего не простил.

Так что Арчибальда лучше оставить напоследок, а пока...

— Здравствуй, Йон.

— И тебе не хворать, Берт, — сварливо ответил архимаг Валлиус, чье изображение передавал браслет связи. — Что хотел?

— Хотел спросить про эту медсестричку, Эн Рин. Она не твоя внебрачная дочь?

Демоны, не с этого вопроса надо было начинать, не с этого...

Проекция Валлиуса вытаращила глаза.

— С чего ты это взял?

— Да похожа она на тебя. Манера говорить, двигаться...

— А-а-а. — Главный врач Императорского госпиталя усмехнулся. — Ну мало ли похожих людей на свете? Ерунда это все. Что-то еще? А то у меня скоро операция.

Операция у него... Отличный предлог, чтобы закончить неудобный разговор.

— Она ведь не медсестра, да, Йон?

— С чего ты это взял? — второй раз за последние две минуты ответил Брайон Валлиус, насмешливо сверкая голубыми глазами за стеклами очков и довольно потирая короткую седую бородку.

— Для медсестры она слишком много знает.

— Ну-ну, — хмыкнул старый маг и отключился, не прощаясь.

Вот ведь... хитрая морда!

День в госпитале сразу не задался. Возвращаясь от Арманиуса, я слишком быстро летела по коридору, торопясь к своим больным, и умудрилась на полной скорости врезаться в Байрона Асириуса.

Бывший однокурсник смерил меня неприязненным взглядом, и я уже готовилась к его традиционному университетскому: «Смотри, куда несешься, Эн Рин», — когда Байрон вдруг сказал:

— Я как раз к тебе шел.

Я даже чуть покачнулась. И переспросила, наверное, с очень глупым видом:

— Куда ты шел?

— К тебе, — повторил Асириус. — Дело есть. Нужна твоя консультация.

Демоны меня раздери, Байрону нужна моя консультация. Снизошел!

— А ничего, что мой кабинет и лаборатория — в той стороне, откуда ты появился?

— Ничего. Я там был, увидел, что тебя нет, и решил вернуться к себе. А ты... от Арманиуса?

Я кивнула.

— И как он?

— Пока никак, я только начала работу. Тебе срочно с консультацией или подождешь до... скажем, до обеда?

— Лучше сейчас.

Разумеется. И без разницы, что у меня обход и больные. Ладно, потерпим. Слишком уж любопытно, что нужно от меня Байрону Асириусу.

Надо же, консультацию ему подавай. Помню, было время, когда он и разговаривать со мной считал ниже своего достоинства. «Нищая безродная девка с каплей дара — что она делает в

лучшем учебном заведении страны? — возмущался Байрон в кругу друзей. — Вот увидите, она не переживет и первую сессию!»

Я пережила. В прямом и переносном смысле.

— Говори, — пробурчала я, заходя в свой кабинет-лабораторию. И, пока я переобувалась, надевала халат и стягивала волосы в узел, Байрон четко и ясно излагал, что ему от меня нужно.

Возможно, если бы Асириус заискивал, улыбался и пытался втереться ко мне в доверие, я бы послала его к демонам тут же. Но Байрон был собой — слегка презирающим меня аристократом, и это оказалось привычно, понятно... и честно.

Я всегда ценила честность.

— Я давно заметил, что физические повреждения охранителей ведут и к нарушению целостности их магического контура. Сломанный контур практически никогда не бывает поврежден сам по себе, без каких-либо физических травм.

— Не «практически никогда», а просто «никогда», Байрон.

— Тебе тут виднее. Но раньше мы сначала делали операции по восстановлению физических возможностей, а потом уже брались за контур. Хирургия первична, терапия вторична, ты же помнишь этот постулат? Меня интересует, что будет, если попробовать делать наоборот.

Я серьезно задумалась. Ко мне больные попадали уже после хирургического отделения, где для них делали все возможное, чтобы вновь научить говорить, ходить и вообще двигаться. Чем сильнее сломан контур, тем хуже с физиологией. Но я занималась только безнадежными больными — точнее, теми, кто раньше считался безнадежным, Байрон же говорил об обратимых повреждениях.

— Не знаю, — призналась я откровенно. — Ты хотел получить мою консультацию, но я действительно не знаю. Мои больные все после хирургов... и, честно говоря, я никогда не задумывалась над этим вопросом. Мне нет смысла реабилитировать неговорящих и неходящих. Они не выдержат процедур.

— Давай попробуем поэкспериментировать? Возможно, следует сначала восстанавливать контур, а потом уже делать операции?

Я озадаченно молчала, глядя на Байрона, который смотрел на меня спокойно и серьезно.

— Ты хочешь ставить эти эксперименты со мной?

— А с кем еще? — В голосе бывшего однокурсника прорезалась ирония.

— Логично. Но...

— Слушай, Эн, — Асириус поднял глаза к потолку, будто я смертельно ему надоела, — я не делаю тебе никаких непристойных предложений. Ты, как и я, врач и ученый. У нас совпадает область профессиональных интересов в этом случае. Почему бы не объединить усилия? Одну главу в наших научных работах напишем вместе, это не запрещено и даже поощряется. А личные отношения стоит оставить за пределами госпиталя. Хотя я бы сказал жестче.

— Жестче?

— Да. Все это должно остаться в университете, который мы окончили.

Байрон замолчал, и я тоже молчала. Наверное, потому что была согласна.

По правде говоря, там я уже давно все и оставила. Нет, особой любви я к Асириусу не испытывала, но уважала его как талантливую хирурга, у которого впереди — огромное будущее.

— Я согласна.

Он чуть улыбнулся, и мы начали обсуждать детали дальнейшей работы.

Однажды Рон спросил меня, ненавижу ли я Байрона. И я тогда честно ответила, что нет. Хотя, прямо скажем, мне было за что его ненавидеть. Помимо презрения, которое не доставляло мне неприятностей, Асириус регулярно организовывал так называемые подставы. И именно на почве одной из таких подстав я подружилась с Роном.

Это было, кажется, на третьей неделе учебы в университете. Преподаватель по теории магии вызвал меня к доске, чтобы я начертила формулу исчезновения. И на пути туда с меня вдруг исчезла вся одежда.

Сказать, что я испугалась, — это ничего не сказать. Я застыла на месте под хохот однокурсников, не зная, что предпринять, когда сверху раздался издевательский голос Байрона:

— Толку-то уметь чертить формулы, если не можешь их применить? Давай, Эн Рин, верни себе одежду.

В чем-то Асириус был прав — я действительно не смогла бы применить нейтрализатор, даже зная его формулу.

На глаза навернулись слезы, и единственное, о чем я мечтала, — не разреветься бы. Я понимала, что преподаватель сейчас все исправит, но, на мою беду, он тоже был аристократом и откровенно не спешил.

Зато Рон аристократом не был. И, встав со скамьи, махнул рукой, делая то, что не могла сделать я.

Занятие продолжилось, я дрожащими пальцами написала все, что от меня требовалось, а после подошла к Рону и поинтересовалась:

— Зачем?.. — и задохнулась, наткнувшись на его угрюмый взгляд.

— Ненавижу аристократов, — процедил мой будущий лучший друг. — Считают, что им все можно. Тоже мне, избранные... Разве мы выбираем, кем родиться? И дар — он же от природы дается. А вот остальное — наши достижения! Только почему-то аристократам привилегии, а таким, как ты или я, два шиша с маслом. И где справедливость?

Я промолчала. А Рон продолжал бухтеть:

— Развевал он, понимаешь, одежду на девочке. Настоящий подвиг, демоны его задери! Медаль на грудь и тапочки на ножки.

И тут я не выдержала — улыбнулась.

— Как-как?..

Рон усмехнулся и взъерошил светлые кудри.

— Медаль на грудь и тапочки на ножки? Так мой отец говорит. Он сапожник... мм... ну да...

И тут мы с ним буквально повалились на пол университетского коридора, хохоча до слез и икоты.

С тех пор и дружим. И единственное, за что я была благодарна Асириусу, — это за Рона. Каждому человеку необходим настоящий друг. Теперь я это знаю.

Интересно, зачем эта конспирация и почему Валлиус не хочет сознаваться, кто такая Эн Рин? Какой в этом смысл?

Берт задумчиво почесал подбородок и поморщился. Надо бы побриться, щетина уже колется, но настроения совершенно не было.

Перед глазами до сих пор стояли пятнадцать погибших учеников. Бартоломью, Гвенда, Базил, Айзек, Верджил, Гилберт, Алия, Дарин, Акерли, Брендон, Зандер, Кейси, Аллан, Бастиан, Гай... Он помнил, из-за чего погиб каждый из них, и злился на себя.

За нерасторопность. Если бы он догадался раньше!

За самоуверенность. Ему, лучшему охранителю Альганны, казалось, что они справятся и так. Правильнее было отступить, заперев демона во временную ловушку, и хорошенько продумать план действий. Но он принял решение двигаться, сражаться, не отступать. И поплатился...

За гордость и малодушие. Нужно было вызвать подкрепление и взять с собой хотя бы еще одного архимагистра. Для под-

страховки. Но Берту казалось унижительным просить о помощи. Особенно — его высочество принца Арчибальда.

Глупое ребячество. Сейчас, оглядываясь назад, Арманиус понимал — плевать на все. Главное — это человеческие жизни, которые он потерял.

Даже собственной магии Берту было не жаль. Заслужил. Да и... если бы он после всего случившегося остался цел и невредим, ему было бы еще хуже. А так...

Ужасная мысль, неправильная, лицемерная. Как будто то, что он тоже пострадал, может искупить его вину. Но, если бы Арманиус знал, как именно может искупить, — он бы сделал это, не задумываясь.

Ладно. Нужно отвлечься.

Выражение лица Эрты, официально считавшейся его секретарем, было непередаваемым. И Берт ее понимал — секретаря он вызывал по браслету связи крайне редко. Практически все обязанности ректора исполнял его зам, архимаг Велмар Агрирус. Как совершенно правильно сказал Брайон Валлиус, Берт был демонски плохим ректором. Он и сам это знал. Но невозможно было успевать все делать — и исполнять обязанности охранителя, и руководить университетом.

Что ж... руководить, скорее всего, осталось недолго.

— Да, архимагистр? — удивленно протянула Эрта.

— Окажите мне услугу, айла¹. Посмотрите, пожалуйста, в архиве копию диплома... мм... Эн Рин.

— Мэн Рин?

— Эн Рин. — Это имя скоро натрет ему мозоль на языке. — Я не уверен, что...

Арманиус хотел сказать: «Я не уверен, что она у нас училась», — но не успел.

Лицо Эрты вдруг посветлело.

— А-а-а! Диплом Энни. Да, конечно, архимагистр, сейчас все будет.

— Мм... Вы ее знаете?

— Конечно. Кто же не знает Эн Рин? — удивленно протянула секретарь и сразу смущенно запнулась. — Извините, архимагистр.

— Ничего...

¹ А й л а — вежливое обращение к женщине в Альганне. А й л — вежливое обращение к мужчине. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Берт прервал связь и вновь задумчиво почесал подбородок. Кто же не знает Эн Рин? Хороший вопрос. Он совершенно точно слышал это имя впервые в жизни. Или нет?

Через десять минут на столе лежала магическая копия диплома Эн Рин, присланная Эртой по почтомагу. И Арманиус чувствовал себя... странно.

Каждый год одному из учеников присваивалось звание «лучший студент». По совокупности оценок за семь лет учебы, заслуги перед университетом и так далее. И этим студентом неожиданно оказалась Эн Рин.

С уровнем дара всего в две магоктавы. Это шутка?

Он бы никогда в жизни не поверил в подобное, но диплом лежал перед ним, светясь фиолетовой корочкой лучшего студента.

Специальность: «магическая медицина». Руководитель: архимаг Брайон Валлиус.

Кто бы сомневался.

И по всем предметам — даже по охранительной и боевой магии — высший балл. Как?! Как она это сделала?!

С подобным уровнем дара Эн Рин не должны были принять даже в магический колледж. Она могла бы стать травницей, медсестрой, гадалкой — в общем, кем угодно из околوماгических профессий, но не врачом!

Место стажировки: Императорский госпиталь, терапевтическое отделение.

Тема научной работы: «Необратимые разрушения энергетического контура у магов».

Демоны! Как это возможно? У нее самой практически нет этого самого контура. Говоря честно и откровенно — она не маг! Она не может творить магию, у нее для этого недостаточно сил.

Но диплом по-прежнему светился фиолетовым, и Берт чувствовал себя таким растерянным, как никогда в жизни.

Наверное, было бы логично вновь обратиться к Валлиусу за разъяснениями, тем более что именно он значился руководителем Эн Рин, но Арманиус решил поступить иначе. Старый маг явно водит его за нос, и чем дольше он не будет знать точно, что Берт догадался, тем лучше.

Боевую магию у Эн Рин вел Гровер Грэдаар — по крайней мере именно его подпись стояла в ее дипломе, а с ним у Арманиуса всегда были хорошие отношения. И браслет связи вновь потеплел, вызывая на разговор теперь уже Гровера.

— Бе-э-эрт, — прогудела на всю библиотеку проекция могучего преподавателя боевой магии, — ты как, старина?

— Вот именно, что старина, — усмехнулся Арманиус. — Чувствую себя немощным дедом. В госпитале меня подлатали, но пока еле ползаю.

— Э-эх, демоны, — вздохнул Гровер. — Я надеюсь, что ты выкарабкаешься и ректора нам не сменят.

Берт поморщился. Ректорство его никогда не прельщало, но потерять статус тоже не слишком-то хотелось. Какое-никакое, а поражение. А поражений в последнее время в его жизни было более чем достаточно.

— Я тоже надеюсь. Слушай, Гров... Ты знаешь такую студентку... Эн Рин?

Проекция Грэдаара явно удивилась.

— Канеш, знаю. Только она уж года три как аспирантка.

— Да, я в курсе. Скажи... высший балл по боевой магии у нее поставлен заслуженно? Или не очень?

— Че? Ну ты даешь, Берт. С каких это пор я незаслуженные оценки ставлю? — обиженно пробасил Гровер. — Канеш, заслуженно.

— Но... как?

— Че как?

— Как она сдавала практическую часть экзамена с уровнем дара в две магоктавы?! — почти заорал Арманиус.

Грэдаар демонстративно прочистил большим пальцем ухо, в котором явно звенело от его вопля, а после ответил:

— Как-как... Кверху... кхм. Умница она, вот че могу сказать, Берт. Большущая умница.

— Да не тяни ты!

— А я и не тяну, как есть говорю. По теории у нее, конечно, конкурентов и не было — формулы от зубов отлетали, ничего, кроме десятки, я поставить и не мог никогда. А практика... Еще на первом курсе думал — конец девчонке, у нее ж ни одно заклинание не получится выплести. А она на экзамен пришла вся с ног до головы в амулетах и сказала — я, грит, правила смотрела, использование магических энергетических амулетов не запрещено.

— Так...

— Угу-угу. Для того чтобы ими пользоваться, уровень дара тоже нужен неслабый, а у нее кот не то что наплакал — нализал. Однокурсники спорили, ставки даже делали — продержится иль нет. На лбу во время экзамена пот выступил, покраснела вся от пяток до макушки, в глазах сосуды полопались, из носа

кровь пошла. Но, Защитником клянусь, выдержала. Все сдала и лучше всех справилась. А я поблажек ей не делал — ни тогда, ни потом. Все годы на амулетах держалась. Это ж какую надо силу воли иметь, чтобы магическую энергию собирать и аккумулировать, с ее-то уровнем дара!

Берт промолчал. Он просто не знал, что сказать.

Далеко не каждый маг уровня магистра был способен успешно управлять амулетами и с их помощью творить магию. Это только казалось простым — обвешаешься побрякушками и они за тебя все сделают. На самом деле чужая энергия, заключенная в амулетах, давила к земле не хуже камня на шее. И сдвинуть этот камень с двумя магоктавами...

Ну и девица.

— А че ты спрашиваешь-то? А-а-а! Она ж вроде и должна тебя лечить, точно!

— Точно, — пробубнил Арманиус. — Ладно. Спасибо тебе, Гров, за консультацию.

— Да не за что. Выздоровливай, старина.

Проекция Грэдаара исчезла, а Берт еще долго сидел в кресле, чесал подбородок, смотрел в никуда и думал.

Он пытался представить, каково это — учиться в лучшем магическом заведении страны, куда принимали только самых талантливых магов, с уровнем дара в две магоктавы, в окружении заносчивых аристократов. И не мог.

Но зачем Эн Рин это все понадобилось? Почему именно магический университет, магическая медицина? Что это — тупое упрямство, какой-то принцип, спор?.. Нет, глупости... Но зачем тогда?

Я засиделась на работе, продумывая дальнейшее лечение Арманиуса, и в общежитие попала уже ближе к ночи. И обнаружила на столе возле окна букет красивейших и очень дорогих белых лилий.

Лепестки засветились мягким светом, а щеки мои загорелись от смущения. Конечно, никакой записки... Но она тут и не была нужна. Белые лилии — цветы — символ правящей семьи наряду с Золотым орлом. И дарят их члены этой семьи только в том случае, если собираются... жениться. Чтобы сразу заявить о серьезных намерениях.

Щеки уже полыхали, и я потеряла их ладонями. Защитница, Арчибальд, зачем? Даже если вы дадите мне титул, для большинства аристократов он не будет значить ничего. Я навсегда останусь Эн Рин. И император никогда в жизни не позволит

вам на мне жениться, даже если вы продадите этот закон, даже если меня официально станут называть Энни Ринниус. К чему это, зачем?

Нет, я ошиблась. Записка все же была.

«Я верю в свою мечту, Энни».

Я всхлипнула и тяжело опустила на стул. Мечта... Это он обо мне, что ли? Но... как это может быть?..

ГЛАВА 3

На следующий день Арманиус был непривычно тих и серьезен. Почти ничего не говорил, зато наблюдал за моими действиями настолько пристально, что мне хотелось развернуться и запустить какой-нибудь колбой ему в лоб.

Я, конечно, сдерживалась. Он и так жизнью ушибленный, не хватает еще и мне добавлять... колбами.

— Снимайте халат и ложитесь на диван.

Я хотела спросить, надел ли он белье, но подумала, что в вопросе нет смысла. Все равно сейчас увижу.

Надел, слава Защитнице...

Я смазала руки специальным массажным маслом, села рядом с Арманиусом и начала растирать его бедра. Думала, хоть сейчас что-нибудь скажет, но нет, он по-прежнему молчал, лишь следил за мной.

И меня вдруг пронзило... Узнал, наверное, что никакая я не медсестра.

— Где ты родилась? — спросил он вдруг хриплым голосом и дернулся от боли, когда я нажала на первую нужную точку.

— Опять вы за свое. — Допрос решил устроить, что ли? — На севере Альганны, в деревне, как вам должно быть понятно из моего имени.

— Родители живы?

— Нет.

— А братья или сестры?

— Тоже.

Несколько секунд Арманиус молчал, и я уже успела обрадоваться, но оказалось, что рано.

— Где ты училась?

Хм, ну ладно. Как говорит Брайон: «Если пациент мешает доктору работать, он нарывается на неприятности».

И я приступила к массажу в сочетании с «игрой на энергетических точках». Так эту технику называл Валлиус — когда

нажимаешь то на одну, то на другую, но не просто так, а будто наигрываешь какую-либо мелодию. В случае с Арманиусом это был «Марш Защитника».

Ректор захрипел, выгибаясь на диване дугой, и тут же забыл про свое любопытство. Конечно, временно, но и это неплохо. Здесь полезна даже временная тишина.

Через десять минут я закончила. Арманиус по-прежнему лежал на диване в одних трусах, обливаясь потом с головы до ног, и выглядел таким же несчастным, как любой другой мой пациент.

— Я вас обрадую, архимагистр. Я вижу прогресс. Да, он слабый, но он есть. Вы ведь пару раз чувствовали свой энергетический контур, верно?

Ректор кивнул, попытался поднять руку и вытереть пот со лба — он уже лился в глаза, — но не смог. Я взяла из сумки салфетку, подошла ближе и сама обтерла ему лицо.

— Так вот. Чем раньше больной чувствует свой энергетический контур, тем быстрее будет продвигаться его выздоровление. Вы ощутили его уже вчера. К примеру, принц Арчибальд... — Ой, зря я это говорю... — Да. Его высочество смог почувствовать контур лишь спустя три недели процедур. Правда, я тогда знала и умела гораздо меньше, так что эксперимент не чистый.

Я закинула в сумку баночку из-под массажного масла, накинула на ректора халат, чтобы не замерз, и продолжила:

— Как обычно, полчаса лежим, не встаем. До завтра, архимагистр.

Он вновь что-то прохрипел, но я уже шла к лестнице.

Вопросы, вопросы... Вот ведь любопытный. Можно подумать, он до сих пор не нашел на них ответы.

Через полчаса Берт не просто встал — он даже прошел пять шагов, пока не рухнул обратно в инвалидное кресло.

Невероятно. Им занимались лучшие хирурги Императорского госпиталя, потом был курс восстановительной терапии, но по-настоящему встать с кресла и сделать хотя бы несколько шагов, не держась за что-нибудь, не удавалось. Это Арманиуса тогда и подкосило, и на предложение Брайона перевестись в отделение для больных со сломанным контуром, по-другому — «для безнадежных», он ответил резкое «нет».

Видимо, Эн Рин работает там... врачом. И она смогла поставить его на ноги быстрее других врачей госпиталя. Нет, это логично, раз сломанный контур — тема ее научной работы и

именно его она изучает. Лечить мага или обычного человека — большая разница, а уж маг с такими повреждениями — это вообще отдельная песня, как сказал бы Валлиус.

Конечно, возможность стоять на собственных ногах и ходить — не то же самое, что вновь стать магом. Но и это немало в его случае.

Браслет связи на запястье Арманиуса завибрировал. Берт покосился на экран — с ним хотел поговорить Велмар Агрирус, его заместитель.

— Приветствую, Берт! — Проекция Велмара широко улыбалась. — Я смотрю, ты стал менее бледным с прошлого нашего разговора.

— Ем мясо и пью томатный сок, как мне рекомендовали при выписке из госпиталя. — Арманиус скривился. — Демонова гадость этот сок...

— Терпи. — Велмар хохотнул.

Его зам был очень улыбочивым, и за это Агрируса студенты любили гораздо больше, чем Берта. Ректора, конечно, уважали, но не обожали. А вот Агрируса — да, обожали. Но его ярко-синие глаза и широкоую искреннюю улыбку не мог не обожать даже Арманиус.

— Терплю, куда деваться...

— Как успехи по восстановлению контура? — с интересом спросил Велмар. — В Совете все спорят, как скоро метка исчезнет с твоей руки, успеет контур восстановиться или нет.

— Вряд ли успеет. Ну и хорошо — сам знаешь, это ректорство мне уже давно обрыдло. Ты должен был стать ректором, и если бы за неделю до церемонии я не отхватил звание архимагистра, так бы все и получилось. Пришла пора восстановить справедливость.

— Сплюнь. — Велмар закатил глаза. — Не дай Защитник, сбудется.

— Тебе-то что? Ты и так за меня все обязанности выполняешь.

— Берт, честное слово, — Агрирус явно рассердился, — был бы рядом — стукнул. Стать ректором, конечно, хочется, особенно с учетом моего финансового положения в последнее время, но не в ущерб же тебе!

Арманиус кивнул, но спрашивать, как у Велмара дела, не стал.

Далеко не всем аристократам везло с детьми, и сын Агрируса родился практически без дара. И сам Велмар, и Алан страдали от этого всю жизнь. Других детей у проректора не было, как

они с женой ни старались, а единственный сын не мог творить магию. Зато он часто играл в карты, а Велмар потом оплачивал его долги. Небольшие, но постоянные.

Берт вдруг вспомнил Эн Рин. А ведь уровень ее дара ниже, чем у Алана, однако парень только кулинарное училище осилил окончить...

— Так что, помогает тебе лечение? Есть успехи?

— Есть. Послушай, Велмар, а ты ведь знаешь эту... Эн Рин?

— Естественно.

Ну конечно, все ее знают, кроме него.

— Это она Арчибальдом занималась?

— Она. Талантливая девчонка, упорная очень. — Агрирус усмехнулся. — Вон даже принц в любовниках.

Берт дернулся от неожиданности.

— Чего?

— Ты и об этом не слышал? Арчибальд ведь ей орден Золотого орла дал. Вылечила она его, конечно, но это же не причина так награждать-то, да еще и орденом только для аристократии. И, говорят, видят их вместе регулярно. А уж в последнее время...

— Закон... — протянул Берт понимающе. — Точно, он же лоббирует этот свой закон о праве передачи титула не по наследству, а за заслуги.

— Ага, — рассмеялся Велмар. — Хочет Энни аристократкой сделать. Может, жениться собирается, демоны его разберут. Но девочка талантливая и с характером. Сам знаешь, Валлиус других в ученики никогда не брал.

— Да, — Арманиус поджал губы, — не брал...

Значит, любовница Арчибальда. Что ж, если это так, то принцу можно только позавидовать.

Много-много лет назад, когда меня, как говорит Валлиус, еще не было даже в проекте и Альганна только образовывалась, аристократия была придумана не зря и вполне заслуженно. Титулы полагались лишь магам, у магов были всевозможные привилегии, ведь они защищали простых людей от порождений Геенны. Аристократы бесплатно учились в школах и университетах, женились только на себе подобных, чтобы избежать «утечки магического дара» по распространенной теории о размывании магической крови немагической, и получали постоянные дотации от империи. Особенно охранители.

Но шли годы, и все менялось. Связано это было в первую очередь с тем, что очень многие аристократы имели на стороне

любовниц из простого люда, которые рожали от них детей. Две трети получались обычными мальчиками и девочками, но оставшиеся рождались магами. Пусть они были слабее магов потомственных, но все же дар у таких детей имелся.

Поначалу положение подобных магов-неаристократов было весьма плачевно — в учебные заведения их без титула не принимали, в результате они жили как обычные люди и даром не пользовались — не умели. Потом кто-то из императоров понял, что теряет солидный и многочисленный ресурс, и неаристократическим детям было дозволено учиться магии. За плату или в кредит, как, к примеру, училась я, — когда сначала получаешь образование, а потом отдаешь долг за обучение.

Справедливо? По-моему, не слишком. Но эту несправедливость никто не спешил устранять — подобное положение дел было выгодно всем. Государство получало неплохих магов во временное трудовое рабство, неаристократы — возможность чего-то достичь в жизни и без титула, а аристократия... ну, их-то вообще все это никак не касалось. Привилегии как были, так и остались.

И если обычный люд относился к аристократии несколько подобострастно — ну как же, волшебники, чудеса творят и живут в два раза дольше! — то маги нетитулованные¹ частенько не любили своих титулованных коллег по дару. Знать действительно вырождалась, и среди аристократов уже было много немагов, так же как и среди простых людей — магов.

Справедливостью тут и не пахло, именно поэтому Рон ругался. Ему приходилось выбивать себе все привилегии потом и кровью, а аристократам они давались по праву рождения. Хотя дар у Рона неслабый, даже более чем сильный — восемьдесят пять магоктов. Со временем и архимагистра сможет получить, если мастерства наберется...

Уровень дара в течение жизни не меняется, но на одном уровне далеко не уедешь, надо учиться. Первая ступень мастерства — маг, получают его при окончании университета. Вторая ступень — магистр, ее дают после учебы в аспирантуре, защиты диссертации и сдачи экзаменов. Невозможно получить магистра, будучи магом меньше чем с тридцатью магоктами дара. У меня всего две магоктавы, поэтому диссертацию я защищу, но магистром мне не стать никогда.

¹ Титулованный перед тобой маг или нет, можно легко понять по наличию или отсутствию родовой кровной магии. В отличие от резерва ее не видно магическим зрением — она ощущается на интуитивном уровне.

Архимаг дается минимум за пятьдесят октав, нужно провести большую научную работу и пройти специальные испытания. Архимагистр — за восемьдесят с плюсом, очередную научную работу и успешно пройденные тяжелые испытания. И до этой ступени почти никто не доходит. Кто-то — из-за уровня дара, кто-то не хочет проходить испытания. Они действительно тяжелые.

Вот Байрону точно дадут магистра, а потом, может, и до архимагистра постепенно дорастет. Восемьдесят одна магоктава, и уорства не занимать...

Примерно об этом я думала, пока мы с Асириусом проводили наш первый эксперимент. Конечно, над больным, который согласился на подобное безобразие. Подозреваю, что Байрон ему заплатил. По крайней мере я ни за что бы не согласилась, чтобы надо мной какие-то аспиранты эксперименты ставили. Одно дело — разрушенный контур, и совсем другое — обратимые повреждения. Вдруг хуже сделаем?

Для начала я попробовала вколоть нашему подопытному несколько специальных реактивов, а Байрон записывал реакцию организма. Которой не было.

Он почему-то страшно расстроился, словно ожидал, что мы сразу начнем творить чудеса и исцелять страждущих. Вот что значит — хирург. Как говорит Валлиус: «У нас, хирургов, пока мозги думают, руки уже делать начинают. Только это не всегда хорошо».

— Не переживай ты так, — сказала я, выходя из хирургического отделения. Я направлялась к себе, а Байрон — на обед. — Сразу ничего не бывает. Поначалу я почти три месяца билась над различными вариантами лечения, пока мне удалось получить хоть какой-то результат. С Арчибальдом, считай, повезло...

— Да тебе вообще везет, — огрызнулся Асириус. — И с руководителем повезло, и с темой работы. Я только потом понял, почему Валлиус тебе этот бред утвердил, с твоим-то уровнем дара. Никто из больных близко не подпустил бы тебя к себе. Кроме безнадежных.

Я усмехнулась. Неприятно мне не было — я много раз слышала подобные слова, сказанные как в лицо, так и за глаза. Привыкла.

Конечно, когда я выбирала, чем именно заниматься, учитывала и собственные способности, и неприязнь ко мне маговаристократов. Но так должен поступать любой нормальный ученый. Это называется «ответственность».

Поэтому я оставила слова Байрона на его совести, спросив:

— Что мы с нашим подопытным делать-то будем? Он же переломанный весь, долго терпеть не станет. А другого искать для эксперимента как-то...

— Станет, — вновь огрызнулся Асириус. — Я об этом позабочусь.

Да уж, деньги способны решить если не все, то многое.

А вечером, когда я вышла из здания госпиталя, меня ждал сюрприз.

Поначалу я заметила золотой магмобиль¹ и отстраненно подумала о том, что в госпиталь приехал кто-то из императорской семьи. Только ее члены могли передвигаться на магмобилях золотого цвета.

А потом дверца с моей стороны открылась и наружу вышел Арчибальд.

Что-то внутри меня нервно стукнуло о ребра. Наверное, сердце.

— Добрый вечер, Эн, — сказал принц, мягко улыбнувшись. Сделал шаг вперед, и снег захрустел под его ногами. Именно благодаря этому звуку я и очнулась...

— Добрый, ваше высочество, — ответила я тихо, чуть приседая и склоняя голову.

Защитница, что же так неловко? И безумно хочется развернуться и убежать.

— Вам понравились цветы? — поинтересовался Арчибальд, делая еще один шаг вперед. Глаза его лукаво блестели.

Можно подумать, я могу ответить «нет».

— Конечно, ваше высочество.

— Эн... — Принц подошел уже совсем близко и осторожно, медленно взял меня за руку. — Вы позволите пригласить вас...

— Не нужно. — Я аккуратно освободила руку и спрятала ее за спину. — Ваше высочество, прошу, не обижайтесь, но...

— Я вам не нравлюсь?

Я загнулась, внезапно невероятно смутившись. Я не привыкла прямо говорить о таких вещах, и подобный вопрос, заданный откровенно, в лоб, выбил меня из колеи. Кажется, я начала краснеть...

Арчибальд удовлетворенно улыбнулся, глядя на мои заалевшие щеки. Как будто это признак того, что он мне нравится!

¹ Магмобиль — магический аналог автомобиля, бестопливное средство передвижения.

— Эн, пожалуйста, дайте мне шанс.

Аристократы императорской крови... Понимает ведь, что я не могу здесь и сейчас никак взбрыкнуть — под окнами госпиталя, в который мне возвращаться на следующее утро.

Когда я представляла, как в эту секунду все больные и врачи прилипли к окнам, у меня холодел позвоночник.

Может, отпроситься у Валлиуса на завтра?

— Ваше высочество, я не могу. Пожалуйста, простите меня, — выдохнула я рвано и, не дожидаясь, пока принц придумает очередной ответ, чтобы меня задержать, быстро пошла прочь.

Было бы нечестно с моей стороны обещать что-то Арчибальду. Принцесса из меня никогда не получится.

И вроде все правильно сделала. Но кто бы мне объяснил, почему так больно колет глаза?

Утром следующего дня ужасно не хотелось идти к Арманиусу. Но, как всегда говорил мне Брайон, не врач выбирает, кого ему лечить, а пациент — у кого ему лечиться. Правда, ректору никто этого права выбирать не предоставил. Да и выбора нет. В данный момент только я занимаюсь «безнадежными» больными. И я бы очень хотела это исправить, но пока не пойму, по какому алгоритму следует работать с необратимыми повреждениями контура, помощников мне не видеть. Я должна сама все делать. Одна ошибка — и прогресс полетит демонам под хвост.

Сегодня во взгляде Арманиуса появилось что-то новое, похожее на любопытство. Наверное, нашел про меня какую-нибудь информацию и теперь думает, насколько она правдива. В принципе, все, что он мог на меня отрыть, правдиво. Ну, кроме слухов, конечно.

Интересно, а он меня помнит? То, что спас когда-то, разумеется, нет. Но то, что был против моего принятия в университет... Неужели совсем не помнит? Ни капельки?

Мне стало смешно, когда я об этом подумала. Защитница... Эн, ты все еще на что-то надеешься? Да не помнит он тебя. Не помнит, не уважает, не считает достойной чего бы то ни было. Хватит уже себя обманывать.

Мне всегда было любопытно, почему Валлиус взял меня тогда под свое крыло. Пару раз я спрашивала, но он отшутился. Назвал это чуйкой на отличников. Глупости, конечно, одной чуйки мало, чтобы решиться покровительствовать девочке с двумя магоктавами дара.

— Завтра состоится Совет архимагистров. — Арманиус так неожиданно заговорил, что я чуть не выронила перчатки. — На нем будут обсуждать закон, который лоббирует принц Арчибальд. Про титулы не по наследству, а за заслуги перед империей.

Мне захотелось спросить, при чем здесь я, но я решила, что здоровье дороже. Здоровье Арманиуса, не мое.

— Повернитесь ко мне спиной, пожалуйста. Халат снимите, — сказала я ровно, наполняя шприц очередным раствором для стимуляции нервных окончаний. Но все-таки не удержалась: — И поменьше разговоров.

Он усмехнулся и протянул:

— Интересно, ты с Арчибальдом тоже так общаешься?

Ясно. Значит, до ректора все-таки дошли именно слухи.

— Его высочество в первую очередь мой пациент. Я со всеми пациентами общаюсь одинаково.

— А во вторую?

— Что во вторую?

— Очередь.

Я вздохнула, чтобы унять раздражение.

— Архимагистр, либо вы переворачиваетесь на живот и замолкаете, либо будете лечить себя сами.

Слава Защитнице, послушался. С кряхтением, как дряхлый старик, стянул халат, закинул его на спинку дивана и начал переворачиваться.

Однако замолкать не спешил...

— Ты можешь называть меня Бертран. Какой из меня сейчас архимагистр?

В голосе была горечь, и я поспешила утешить его, как привыкла делать с другими пациентами:

— Не говорите ерунду. Вы потеряли дар, но ваше мастерство осталось при вас. Дар я вам восстановлю, обещаю. Думаю, за месяц вы станете самим собой.

Арманиус застыл, так до конца и не перевернувшись. Мышцы на спине вздулись от напряжения.

— Месяц?

— Да. Максимум полтора. Вы будете ложиться или нет?

Ректор кинул на меня короткий взгляд, полный язвительной насмешки, но все-таки опустил свое архимагистерское тело туда, куда было велено.

Так, первый укол — в левую лопатку...

— Что ты думаешь об этом законе?

Да что же это!

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ВОССТАНОВЛЕНИЕ	5
Часть вторая. РАЗРУШЕНИЕ	142
Часть третья. ВОЗВРАЩЕНИЕ	264